

М. Н. Загоскин

Три жениха

(Провинциальные очерки)

Русские повести XIX века 20--30-х годов. Том второй
М.,--Л., ГИХЛ, 1950

Подготовка текста, вступительная статья и примечания профессора Б. С. Мейлаха
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Тому назад -- так точно! -- не более двух или трех лет... Но прежде, чем я расскажу вам эту историю, мне хочется спросить вас, живали ли вы когда-нибудь в провинции? Не в деревне, не в маленьком уездном городке, но в губернском городе, -- среди людей, которые говорят с гордостью, и почти всегда на французском языке, о своем большом свете, о своем хорошем и дурном тоне, даже о разных кругах, на которые разделяется их общество. Если вы никогда не живали в этих, подчас довольно забавных, образчиках нашей матушки Москвы белокаменной и желаете знать хоть поверхностным образом, что такое провинциальный город -- не двадцать лет тому назад, но теперь, в наше время, -- так слушайте.

Далеко отсюда в низовом губернском городе в Дворянской улице, -- почти в каждом губернском городе есть улица, которую зовут "Дворянскою", -- возвышается крытый железом двухэтажный кирпичный дом, на самом том месте, где года два тому назад вросли в землю деревянные хоромы, выстроенные, как говорят старики, еще до Пугачева. Они тянулись в длину сажен шестнадцать, не считая двух подъездов с холодными, сенями и небольшой пристройки, в которой помещалась русская баня с двумя предбанниками. Этот дом занимал всю глубину обширного двора, который с двух сторон был застроен развалившимися службами, а с третьей отделялся от улицы почерневшим от времени решетчатым забором. Сзади к самому дому примыкал большой плодовый сад, поросший высокой травой и почти непроходимый от бесчисленного множества кустов колючего крыжовника, барбариса и смородины. Разумеется, эти хоромы не были ни окрашены, ни обшиты тесом, и на дощатой их кровле росла преспокойно мурава шелковая и пробивались кой-где украдкою цветы лазоревые.

Однажды вечером в начале мая месяца, который, несмотря на восторги наших поэтов, почти всегда хуже апреля, погода стояла самая осенняя, дождь лил как из ведра, и хотя еще не было восьми часов, однако на дворе сделалось так сумрачно, что в одном из окон развалин, описанных мною, замелькал огонек. Он светился в диванной, в которой хозяйка, пожилая вдова, статская советница Анна Степановна Слукина, сидела за ломберным столом и раскладывала гранпасьянс; наsupротив ее, расположась покойно в широких креслах и понюхивая табак из огромной серебряной табакерки, сидел человек лет шестидесяти в коричневом долгополом кафтане, с бронзового медалью в петлице и в черных плисовых сапогах. К ним спиною подле растворенного окна стояла миловидная девушка лет семнадцати в простом белом платье. Широкий пояс с стальной пряжкой обхватывал гибкий стан ее; светло русые волосы, завитые и убранные а l'enfant {По-детски (ред.)}, рассыпались густыми кудрями по ее плечам, полным и белым, как пушистый снег в первозимье. Попытаюсь, удастся ли мне описать вам наружность хозяйки. Не совсем еще увядшее лицо выказывало не более сорока пяти лет. Большие черные глаза, довольно правильные черты, прекрасный цвет лица -- все это заставило бы подумать каждого, что она была некогда очень хороша собою: но вот беда -- эти большие черные глаза походили на красивые фонари без свеч, а румяное ничего не выражающее лицо ее было

просто бело и красно --

И точно херувим на вербе восковой!

Впрочем, я ошибся, сказав, что лицо ее ничего не выражало: нет, в нем заметно было беспрестанное усилие казаться "горькой, беззащитной вдовою", какое-то подленькое притворное